

Н. А. Белоконь
г. Горловка, ДНР

УДК 82-3.09

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ МИССИЯ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ
ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»**

Валентин Григорьевич Распутин – выдающийся русский писатель-деревенщик второй половины XX века, писатель-реалист. Его творчество, по общему признанию исследователей, отразило плодотворные художественные искания в контексте литературного процесса 60-х - 80-х годов.

Творчество В. Г. Распутина стало предметом исследования в работах литературоведов – В. Курбатова, С. Семеновой, Н. Тендитника, И. Панкеева, В. Наривской и др. Значимая часть исследователей обращалась к изучению вопроса о традициях, наследуемых писателем, женских образов и других аспектов, касающихся поэтики произведений писателя.

Многие литературоведы: С. Семенова, И. Панкеев, Д. Герчинская, Ю. Дворяшин, А. Дырдин, И. Тарковская, И. Ходченкова – отмечали народную основу женского образа в произведениях писателя. Истоки характера они видели в нравственных представлениях народа. В своих публицистических выступлениях В. Распутин неоднократно подчеркивал те качества женской души, которые были для него чрезвычайно важны и в значительной степени способствовали утверждению женского образа нравственно-философским центром произведений. Важно отметить, что В. Распутина интересовали не просто частные проявления женского начала, он стремился к постижению особенностей характера русской женщины. Эта тема стала одной из центральных в его творчестве.

Повесть В. Распутина «Последний срок» о последнем дне старухи Анны, главы большой семьи. Сюжет повести построен, как приезд детей к старой Анне для того, чтобы попрощаться с матерью, которая уже отходила в небытие. Сюжет построен таким образом, что в нем пересекаются события

настоящего, то есть приезд детей с воспоминаниями Анны о своей жизни, жизни семьи, с чувством радости, тепла, семейного уклада, с тем, чему учила детей, что сохранилось с того воспитания, а что не прижилось. Момента прощания, как такового, в повести нет: с ритуальными слезами, печалью, что уже действительно имело обрядовый характер. Это уже было не столько прощание детей с матерью, сколько Анны с детьми. Причем нет в повести воспоминаний Анны о человеке, об отце детей. Безмерная любовь материнская, возвращает от смертной грани, чтобы взглянуть на детей хотя бы раз, которые разлетелись по миру. Они и радуют и подавляют старую Анну – настолько они разные, каждый со своим характером, со своим поведением. Например, Варвара: «Матушка ты моя-а-а!» [3, с. 373]. А затем расскажет о своем сне и произнесет «неудобное» слово: «Городские стали, была вам охота с деревенскими знаться!» [3, с. 375]. Именно Варвара не самая послушная дочь Анны, пытается сохранить древнюю традицию – помыть покойника: «Она рыдала долго, пристукивая головой о стол» [3, с. 373]. Если обратиться к этимологии имени Варвара – христианская великомученица, казненная, согласно преданию, в Египте во время репрессий против христиан [4]. Поэтому предположим, что не случайно автор эту героиню назвал Варварой и наделил ее ответственной миссией – исполнением христианского ритуала.

Вторая дочь, Люся, только «опустила слезу и отошла» [3, с. 374]. Но при этом именно Люсе писатель доверит в повести встречу детей с миром, что станет серьезным испытанием. Способность Люси проникнуть в узкий коридор времени, понимать голос земли, брошенных полей – покажет главный конфликт повести – конфликт времени. Время в повести – это не только универсальная форма существования, но и сама себе ценность. В структуре художественного времени ясно выделяются два времени: бытийное и бытовое. Первое плавно плывет в согласии со звездами, небом, землей. В этом времени в одиночестве находится умирающая Анна. Второе сталкивается о пороги и камни, которые построены общей жизнью.

Люся, уставшая «напрасным» ожиданиям смерти матери, идет в лес и попадает в ловушку замкнутого времени, из которой можно выбраться, только снова пережив прошлое. Воспоминания прошлого подобные кругам ада, через которые проходит Люся, и возвращается к себе самой, забытой в новой «городской» жизни. Воспоминания Люси начинаются с грустной картины сломанных ворот «она оглянулась на два покосившихся столба, которые остались от ворот» [3, с. 437]. Такие ворота, скорее их отсутствие, свидетельствуют о неблагополучии миров и по ту, и по другую стороны – света человека и света природы. Жизнь, созданная веками, оказалась беззащитной перед «другой» жизнью. «А что же с воротами, почему нет ворот? Ну да, не сеют, не пашут, значит, нечего от скота запирать, все четыре стороны открыли настежь» [3, с. 437].

«А на земле все это сходилось в одном чужом широком запустенье, которому не хотели верить глаза...Поля заросли, затягиваясь с нижнего края густым, расторопным осинником...Уже и не отличить было поля от межей, сцепились так – не оторвать. Хлебный дух, привычный для этой поры, давно истаял: пахло перезревающей лесной мешаниной, да от заброшенной земли исходило пресное, сухое дыхание» [3, с. 441].

В фантастическом диалоге между героиней и брошенной землей, появляется голос земли, еще одной матери, матери – сырой земли, которая «привыкнув поднимать хлеб, казалось, надеялась на чудо и из последних сил оберегая себя для себя...» [3, с. 441]. Исповедь брошенной земли простая. Колхоз назывался «Память Чапаева» и Люся вспомнила никому не нужное теперь название, колхоз пришел в упадок. И именно тогда, когда вспомнили печальную историю упадка колхоза и брошенные поля, Люсю «кольнуло неожиданное, родившееся здесь чувство вины» [3, с. 442], складывается впечатление, что она могла им чем-то помочь, и не помогла. Позволим себе предположить, что автор именно через Люсю дает надежду на спасение (Люся несет свет)[4], но блуждания героини между прошлым и настоящим заканчиваются безрезультатно.

Еще одна дочь Анны – Татьяна, которая живет в Киеве. Мать называет ее Таньчора и говорит о ней, как о мягкой, нежной, человеческой. Дочь так и не приехала проститься с матерью по неизвестным причинам. Предположим, что авторский замысел заключался в том, что приезд Таньчоры мог привести к развенчанию мифа о дочери Анны, которая была идеальна в глазах матери.

Можно ли осуждать детей за то, что они рано или поздно покинули отцовский дом в поисках своей дороги, своей судьбы? В. Распутин не осуждает, да и сама Анна не обвиняет. Только не может сама Анна привыкнуть к ним, пожившим в городах, и пытается узнать в них своих детей. Не может привыкнуть к Илье, который в прошлый раз заезжал, возвращаясь с Севера: «Старуха смотрела на Илью долго, до неловкой устали. Она искала в нем своего Илью, которого родила, выходила и держала в памяти, и то находила его в теперешнем, то опять теряла...» [3, с. 397]. Анна предполагает, что причиной сложной жизни Ильи была смена места жительства. «Старуха верила, что там, куда он уехал, лучше ему не стало. Жил бы да жил в деревне...» [3, с. 397]. Но в тоже время, сын Михаил, который остался с матерью, «томим тоской» о чем-то утраченном, несбывшемся. Можно говорить о том, что писатель дает «последний срок» и детям Анны что-то исправить, но дети так и не воспользовались этим последним шансом.

Интересна вариация на тему двойственности глазами матери. Вот и Илья «не походил ни на городского, ни на деревенского, ни на чужого, ни на себя» [3, с. 397]. Безликость становится отличительной чертой Ильи. Пребывая у смертного одра матери, он не произнес ни единого слова, не совершил своего поступка. Удивительный эффект отсутствия. Показательным является даже то, что в первый день он уходит из дома в баню. Илья среди детей старухи Анны – эталон и результат общей уравниловки, когда в потоке казенных слов нет слова своего, настоящего.

Михаил по своей сути глубже брата. Михаил все время пытается что-то понять. Он всегда задает вопрос, почему жизнь сложилась по-другому,

пошла не так. Скорбящий по гармонии герой является одним из главных доказательств неблагополучия мира.

Проблема художественного времени закономерно вызывает размышления о поэтике смысла названия повести, поскольку в заголовке присутствует одно из определений времени – «срок», причем не просто «срок», а «последний». Писатель неоднократно повторяет слово последний: «последняя радость», «последняя черта», «последние слезы», «последние страдания». Эти слова усиливают трагическую тональность повести, создают чувство грани, предчувствие конца. Последнее в надежде не остаться таким, в надежде перестать быть таким практически из небытия порождает еще что-то последнее, так появляется «срок». Так оживает умирающая старая Анна. Так дважды время пытается спасти себя, то оставаясь в себе, то возрождая «последнюю старинную старуху».

Интересно и отношение Анны к смерти: нет боязни, страха, наоборот, полное восприятие и согласие с ней. Нет нерешенного противоречия между жизнью и смертью Анны: «Старуха не будет сопротивляться, а та, другая, не станет злиться на нее и то, что она так долго водила ее за собой» [3, с. 499].

Позволим углубиться в этимологию имени главной героини. Анна в переводе с древнееврейского языка – это милость [4]. По словарю Т. Ф. Ефремовой милость – доброе, великодушное отношение; С. И. Ожегов трактует значение слова «милость» – благодеяния, дар; Д. Н. Ушакова дает значение «милость» – великодушно-доброе, милосердное отношение [5]. Мы помним, что на Руси женское начало рассматривалось как воплощение нравственного идеала, способного преобразить мир. Именно с женственностью связывалось главное качество для русского человека – милосердие, которое всегда ставилось им выше справедливости. Культ Богоматери, ждущей каждого и каждого прощающей, определил отношение русского народа к материнству вообще, оно воспринимается им не как природное и инстинктивное начало, а как начало священное, «вечно материнское». Поэтому и «женщина обретает ценность в русском космосе

именно в ипостаси матери» [2, с.248]. Поэтому красота и сила русской женщины всегда определялась ее способностью проявлять по отношению к каждому существу и ко всему миру материнские качества – терпение, прощение, милосердие, сострадание, способность к самопожертвованию.

Милосердие Богородицы становится предметом осмысления и в отечественной религиозной философии. Так, например, С. Булгаков в работе «Купина неполимая» пишет: «Богоматерь – воплощенная милость и жалость к миру»; «Как сердце милующее, как милость и жалость материнская, не судящая, а только скорбящая и все прощающая, Богоматерь выступает на Страшном Суде, где Она молит Царя за человеческий род и предстательствует за грешников» [1, с.206].

Коллизия жизнь – смерть звучит в повести не трагично, а оптимистично. «Старуха верила, что у каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь-в-точь похожая на него. Они, как двойняшки, сколько ему лет, столько и ей, они пришли в мир в один день и в один сойдут обратно: смерть, дождавшись человека, примет его в себя, и они уже никому не отдадут друг друга. Как человек рождается для одной жизни, так и она для одной смерти» [3, с. 499]. Так фантастически реализуется тема двойственности, где смерть – двойник по образу и подобию человека. В. Распутин отмечает: «За последнее время они стали подружками, старуха часто разговаривала с ней, а смерть слушала ее рассудительный шепот и понимающе вздыхала» [3, с. 498-499]. Привлекательны эти две женщины, которые мирно идут годами. Интересен их диалог – договор. «Они договорились, что старуха отойдет ночью, сначала уснет, как все люди, чтобы не пугать смерть открытыми глазами, потом она тихонько прижмется, снимет с нее короткий мирской сон и даст ей вечный покой» [3, с. 449].

В художественном мире В. Распутина переплетается и библейская мифология (мотив воскресения и вознесения старой Анны) и языческие верования (образ смерти, живущий в мире) и традиции устного народного

творчества (смерть как «злая старуха с косой за плечами»). Именно такую смерть не воспринимает старая Анна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Купина неопалимая: Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери / С. Булгаков. – Вильнюс, 1991. – С. 206.
2. Гачев Г. Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью / Г. Гачев. – М.: Интерпринт, 1994. – С. 248.
3. Распутин В. Последний срок / В. Распутин. – М. : Молодая гвардия, 2004. – С. 475.
4. Словарь личных имен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imja.name/slovarimennemtsev/zhenskie-A.shtml>
5. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/m5153.html>

АННОТАЦИЯ

Белоконь Н.А. Духовно-нравственная миссия главной героини повести В. Распутина «Последний срок».

В статье автор анализирует повесть В. Распутина – русского писателя-деревенщика второй половины XX века. Повесть «Последний срок» о последнем дне старухи Анны, главы большой семьи.

В работе проанализировано поведение героев повести, влияние этимологии имени на поступки детей Анны. Дана характеристика главной героине, ее духовно-нравственной миссии в образе матери.

Ключевые слова: Повесть, сюжет, мотив смерти, образ, проблема художественного времени.

SUMMARY

Belokon N. The spiritual and moral mission of the main character of V. Rasputin's short story «Deadline».

In the article, the author analyzes the story of V. Rasputin, a Russian woodland writer of the second half of the 20th century. The story "Deadline" about the last day of the old woman Anna, the head of a large family.

The work analyzes the behavior of the heroes of the story, the influence of the etymology of the name on the actions of Anna's children.

Keywords: the story, death motive, image, the problem of artistic time.